

РУССКИЕ ИМЕНА И РЕАЛИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИО БАРОХИ

Представитель испанского «Поколения 98 года», романист и эссеист Пио Бароха (1872–1956) действительно много знал о России — это видно как по его публицистике, так и по его романам. Интересно и характерно также очень раннее обращение Барохи к «русской теме»: в 1890 году, когда будущему писателю, в то время студенту-медику, было семнадцать лет, он опубликовал в газете города Сан-Себастьян «Ла Уньон Либераль» серию из тринадцати заметок под общим названием «Русская литература».

Они напоминают развернутые словарные статьи, а все вместе — краткий учебник: первая статья называется «Народные сказки», вторая — «От истоков до конца XVIII века» и т. д., до самых последних, почти современных Барохе явлений: три последние статьи посвящены А. И. Герцену, М. А. Бакунину и Н. Г. Чернышевскому, каждая из них носит уточняющий подзаголовок: «Нигилизм».

Тринадцать текстов молодого испанца отчетливо делятся на две группы: начальные периоды российской словесности Бароха описывает из вторых рук; его собственное знакомство с русской литературой начинается с Н. В. Гоголя. Ранние источники, вплоть до А. С. Пушкина, Бароха в то время не читал; первые статьи цикла компилятивны, пестрят именами, не знакомыми ни автору, ни его читателям. Отсюда и произвольность, комичная немотивированность и категоричность характеристик (в статье «Романтизм», например, утверждается, что три величайших российских поэта — это Ф. Н. Глинка, Е. Ф. Розен и М. Ю. Лермонтов), и обилие ошибок и опечаток, тоже комичных для современного читателя, а в то время совершенно нерелевантных. Многие фамилии, называемые Барохой в длинных перечнях, впервые появлялись на страницах испанской печати; некоторые — в первый и последний раз; в нескольких случаях из-за странной транскрипции так и не удалось расшифровать, о каком литераторе идет речь. Пио Бароха писал свои статьи, пользуясь различными источниками, некоторые из которых указывает сам, в разных статьях цикла: это книги Э.-М. Вогюэ, М. Уоллеса, Р. Г. Э. Тайяндье, Кс. Мармье, С. Куррьера и некоего неустановленного автора по фамилии Маринэ. Определенно, Бароха читал и книгу своей соотечественницы Э. Пардо Басан «Революция и роман в России» («La revolución de la novela en Rusia», 1887), о которой, впрочем, представители «Поколения 98 года» были невысокого мнения.¹

Тринадцать статей в газете «Ла Уньон Либераль» — один из самых первых опубликованных литературных опытов Пио Барохи. В Испании они как минимум дважды переиздавались,² однако в России этот ценный материал до сих пор не привлекал внимания исследователей. В приводимом ниже своде выписаны все фамилии, которые упоминает Бароха в цикле своих статей — с разночтениями и необходимым контекстом, а также имена персонажей и на-

¹ Ср. оценку представлений о русской литературе, данную восемью годами позже Мигелем де Унамуну: «Сейчас у нас нет ничего, кроме поверхностных наблюдений доньи Эмилии, полученных через посредство французского» (цит. по: *Gallego Morell A. Estudios y textos ganivetianos. Madrid, 1971. P. 100*). Здесь и далее перевод мой. — К. К.

² См.: *Baroja P. Escritos de juventud (1890–1904). Madrid, 1972. P. 173–219; Baroja P. Hojas sueltas. Madrid, 1973. P. 41–89.*

звания литературных произведений — в тех случаях, когда Бароха их сильно искажает.

«Los cuentos populares»³

Yurta: «сабаña» (хижина);
 Atanasief, Kudyakovo y Dietrich — А. Н. Афанасьев, И. А. Худяков, Антон Дитрих: «los Perrault rusos» («русские Перро»);
 la baba zaga — баба яга: «bruja de grandes narices, pariente de las harpías y sibilas» («ведьма с большим носом, родственница гарпий и сивилл»);
 Kochtchei — Кощей;
 Licho — Лихо;
 Gore: «desgracia»;
 Beda: «miseria»;
 Nuyda — нужда: «necesidad»;
 Vodiany y Liechi — Водяной и Леший: «los espíritus de los bosques» (духи лесов);
 Yar Ptitsa — Жар-птица: «el pájaro de fuego» (огненная птица);
 Русская сказка породила романы («novelas») таких авторов, как: Polevoi — Полевой (в другой статье: Polevoi), Bestouchev, Sollohoub;
 Rgeleief — Рылеев (?) (в другой статье: Ryleieff): «conocido vulgarmente por el seudónimo de Marlinski» («больше известный под псевдонимом Марлинский»);
 Rouxtin — Пушкин (?);
 Beliushi — Белинский (?).

«Desde su origen hasta fines del siglo XVIII»⁴

Kroubski — А. М. Курбский;
 Simeón de Polock;
 Krotchinchin — Г. К. Котошихин;
 Gizel — Гизель (архимандрит Иннокентий);
 Antiochus Cantemin;
 Fedor Policarpou;
 Iván Possochkou — И. Т. Посошков;
 Miguel Vasslievitch Lomonosow (родился в «Arkangel» в 1771 году);
 Soumarakoff;
 Wolkoff;
 Kniaujuine — Я. Б. Княжнин;
 Dionisio Visine — Д. И. Фонвизин;
 Cheraskoff.

«El clasicismo»⁵

Cheraskoff;
 Petroff;
 Bobroff;
 el conde de Chutoff — граф Хвостов (?);
 Djarvine — Г. Р. Державин;
 Kapuist — В. В. Капнист;
 Mikhailovitch Dolgorouki — И. М. Долгоруков;

³ La Unión Liberal. 1890. 10 febrero.

⁴ Ibid. 13 febrero.

⁵ Ibid. 17 febrero.

Rogdanovitch — И. Ф. Богданович;
 Karamzine;
 Schiskoff;
 Dmitrijeff;
 Joukooski — В. А. Жуковский;
 Viasemki — П. А. Вяземский;
 Schakwoski;
 Voieikoff;
 Fiün — неустановленное лицо;
 Milanof — М. В. Милонов;
 Alejandro Pouschkine: «creador del romanticismo ruso» («создатель русского романтизма»).

«El romanticismo»⁶

Pouschkine: «Recuerdos de Parskogelo» («Воспоминания в Царском Селе»);
 Odоеvski;
 Ryleieff (приведен прозаический перевод отрывков из поэмы «Navalikas» («Наливайко»)) (в другой статье: Rgeleief);
 coronel Pestoly — полковник П. И. Пестель (в другой статье: Pestel);
 Bestouchep (в других статьях: Bestouchev, Bestouchef, Bestoucheff);
 Iván Kosleff — И. И. Козлов;
 Delvig;
 Nicolás Pawlof;
 Jarikoff — П. И. Шаликов (?);
 Merslekoff;
 Baratynseki;
 Krylow;
 Fedor Glinka, Rossen, Lermontov: «tres grandes poetas» («три великих поэта»);
 Lermontov (перечислены многие произведения, среди них — «Canto del czar Iván Dasilieritch» — «Песнь про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»);
 Polevoi (в другой статье: Polovoi);
 Tadeo Bulgarin (в другой статье: Bulgarine);

«El naturalismo. Su origen»⁷

Gogol;
 Tadeo Bulgarine (в другой статье: Bulgarin);
 Wladimir Dahl;
 Sagoskine;
 Sollohoub: писал также в соавторстве («había escrito en colaboración») с Shoukovski, Benediktof и la princesa Rostopechine («с княгиней Ростопчиной»);
 Constantino Masalki — К. П. Масальский;
 Uschakoff;
 Tourgueneff;
 Dotoievski (в другой статье: Dostoievsky);
 Tolstoi.

⁶ Ibid. 20 febrero; 25 febrero.

⁷ Ibid. 1 marzo.

«El naturalismo. Gogol»⁸

Gogol: «creador del naturalismo ruso» («создатель русского натурализма»)
 Tourgueneff;
 Dostoievski;
 Tolstoi.

«Tourgueneff»⁹

Cernicerski (К статье сделано примечание редактора: «Naturalmente, Tschernyshevsky» («Определенно, Чернышевский»); в других статьях: Tchernichevsky).

«Dostoievsky»¹⁰

Dostoievsky (в другой статье: Dotoievski);
 Nekrasof;
 «Krotkaial» («Кроткая»).

«Tolstoi»¹¹

Tolstoi;
 Tourgueneff.

«El nihilismo. Herten»¹²

«El doctor Kronpof» («Доктор Крупов»): Dmitri Krittsipersky — Дмитрий Круциферский, Loubenka — Любонька.

Alejandro Schiskof;
 Tchernichevsky (в других статьях: Cernicerski, Tschernyshevsky);
 Pestel (в другой статье: coronel Pestoly);
 Stankievitch;
 Ogaref;
 Granovsky;
 Bielinsky.

«El nihilismo. Bakunine»¹³

Saltikof;
 Grigorovitch;
 Tschernyshevsky;
 Siberia.

«El nihilismo. Tschernyshevsky»¹⁴

Tschernyshevsky (в других статьях: Cernicerski, Tchernichevsky);
 Vera Palowna;

⁸ Ibid. 6 marzo. В статье приводится перевод отрывков из «Мертвых душ»; Гоголя Бароха читал сам.

⁹ Ibid. 10 marzo. В статье приводится перевод отрывка из «Аси»; эту повесть Бароха читал сам.

¹⁰ Ibid. 17 marzo. Достоевского Бароха читал сам.

¹¹ Ibid. 24 marzo. В статье приводится отрывок из письма Тургенева к Толстому; Толстого Бароха читал сам.

¹² Ibid. 1 abril. Герцена Бароха читал сам.

¹³ Ibid. 8 abril.

¹⁴ Ibid. 1890. 8 abril. «Что делать?» Бароха читал сам.

Lupuwhof — Лопухов;
Siberia.

Раннее знакомство с историей русской литературы отразилось и на зрелом творчестве Пио Барохи. Среди всех больших испанских писателей Бароха выделяется тем, что написал три романа, в которых русские персонажи не просто есть, но представлены во множестве и интересны Барохе именно как русские.

Это «Город тумана» («La ciudad de la niebla», 1909), «Таков уж мир» («El mundo es así», 1912) и «Извращенная чувственность» («La sensualidad pervertida», 1920).¹⁵ Для Барохи-романиста интерес в первую очередь представляют русские молодые женщины.

В «El mundo es así» главную героиню зовут *Sacha Savarof* (очевидно, Бароха слышал о русском полководце А. В. Суворове), часть действия происходит в России. В «Городе туманов» у героини-испанки лучшая подруга — *Natalia Leskov* (фамилия не случайна и имеет явно литературное происхождение),¹⁶ у нее обширный круг знакомых — эмигрантов из России, в одного из них, террориста со странным для поляка именем *Vladimir Ovolenski*, влюбляется главная героиня, *María Aracil*.

В «Sensualidad pervertida» одна глава так и называется — «La rusa» («Русская»); вся «Осенняя» часть романа посвящена увлечению протагониста замужней русской, которую зовут *Ana de Lomonosoff* (иначе: *Madama Lomonosoff*). За исключением звучного имени этот эпизод, случившийся в 1913 году, имеет автобиографическую основу: он пересказан Барохой от первого лица в мемуарной книге «С последнего поворота дороги».¹⁷

Публицистические суждения зрелого Барохи о русской литературе проанализированы в книге И. А. Тертерян; там же дается сопоставление его романов с романами Достоевского.¹⁸ Я сосредоточу внимание на образе России и русских, в первую очередь на примере передачи имен и реалий. Также интересно проследить параллелизмы между текстами трех самых «русских» романов Барохи.

Героиня романа «El mundo es así» Саша живет в усадьбе, «читая книги Тургенева и играя на фортепиано Бетховена» («leyendo los libros de *Turgueneff* у tocando en el piano a *Beethoven*»¹⁹). В романе «La ciudad de la niebla» происходит такой диалог: «¡Oh, escéptica! ¡Española escéptica! — exclamó Natalia. — *Turgueneff* también afirma siempre la debilidad del hombre y la fuerza de la mujer. ¿Usted no habrá leído a *Turgueneff*? — me preguntó luego.

— ¡Oh, sí!

— ¿De veras? Y qué, ¿le ha gustado?

— Me ha parecido ideal, pero tan triste, tan melancólico, que me ha hecho llorar».

(«Какая вы скептическая! Скептическая испанка! — воскликнула Наталья. — Тургенев тоже всегда утверждает, что мужчины слабы, а женщины сильны. Да вы, наверно, не читали Тургенева? — спросила она меня.

¹⁵ Все три романа до сих пор не переведены на русский язык. Далее их тексты цитируются по изданиям: *Baroja P.* 1) *La ciudad de la niebla* // *Baroja P. Obras completas*. Madrid: Biblioteca Nueva, 1947. Т. 2; 2) *La sensualidad pervertida* // *Ibid*; 3) *El mundo es así*. Madrid: Caro Raggio, 1940.

¹⁶ В романе «El mundo es así» ту же литературную фамилию носит революционер-эмигрант: *Nicolás Leskoff*.

¹⁷ *Baroja P.* Desde la última vuelta del camino. Madrid, 1947. P. 356.

¹⁸ *Тертерян И. А.* Испытание историей. М., 1973. С. 229–234, 247–249.

¹⁹ Здесь и далее курсив мой. — К. К.

— А вот и читала!
 — Правда? И что, вам понравилось?
 — Да, это было прекрасно, но так грустно, так печально, что я расплакалась»).

На страницах «*La sensualidad pervertida*» высказано мнение одного из героев романа (испанца) о Достоевском: «¡Los medios que pinta son tan horribles! A mí, al menos, no me agrada pensar en volver a leer „Los recuerdos de la casa de los muertos“» («Среда, которую он описывает, так ужасна! Мне, по крайней мере, не хочется и думать о том, чтобы перечитать „Записки из Мертвого дома“»), и в другом месте тот же персонаж размышляет: «¿Le gustaba a Ana, de verdad, *Dostoiewski*? Yo creo que no. Hablaba de *Dostoiewski* como de algo sólo comprensible para los rusos» («Точно ли Анне нравился Достоевский? Я так не думаю. Она говорила о Достоевском как о чем-то понятном только для русских»).

Во всех трех романах герои выносят свои суждения (сходные с мнениями самого Барохи) о произведениях Л. Толстого. Ср.:

« <i>La ciudad de la niebla</i> » (1909)	« <i>El mundo es así</i> » (1912)	« <i>La sensualidad pervertida</i> » (1920)
<p>«Leí „La Sonata a Kreutzer“ de recién casada, me hizo una malísima impresión». («Я прочла «Крейцерову сонату» сразу после замужества, она произвела на меня удручающее впечатление»).</p> <p>«Julia tampoco se sentía partidaria de Tolstoi, porque, aunque el gran escritor era <i>anarquista</i>, quería llegar a suprimir la autoridad y el mal de un modo <i>pasivo</i>». («Юлия тоже не разделяла взглядов Толстого, потому что, хотя великий писатель и был анархистом, он хотел победить власть и зло пассивным образом»).</p>	<p>«Leyó los libros apostólicos de <i>Tolstoi</i> y fué una convencida. Había que llegar, como quería el viejo maestro, a la perfección moral, a la pureza del corazón; había que predicar por los campos la insuñisión al poder, la resistencia pasiva a la arbitrariedad gubernamental, la vuelta a la vida sencilla, el odio al industrialismo, a la máquina, al lujo superfluo y a los inventos superficiales del corrompido Occidente».</p> <p>(«Она прочла апостольские книги Толстого и была одержима его идеями. Нужно было, как и хотел старый учитель, достичь нравственного совершенства, чистоты сердца; нужно было проповедовать в полях неподчинение власти, пассивное сопротивление произволу правительства, возвращение к простой жизни, ненависть к индустриализму, к машине, к внешней роскоши и к поверхностным измышлениям прогнившего Запада»).</p>	<p>«He leído la célebre novela de Tolstoy „La Sonata a Kreutzer“, y me ha parecido muy bien como novela, pero como tesis, absurda».</p> <p>(«Я читала знаменитую повесть Толстого «Крейцера соната» и нахожу, что она очень хороша как повесть и нелепа как доктрина»)²⁰.</p>

Использует Бароха и распространенные образы и мотивы («стереотипы») в изображении русских мужчин. В романе «*El mundo es así*» революционер

²⁰ Ср. с мнением Мигеля де Унамуну о «Крейцеровой сонате», высказанным в 1890-е годы: Толстой, «окативший холодной водой прогнившее буржуазное общество» (*Unamuno M. de. Cartas inéditas. Santiago de Chile, 1965. P. 173*).

Afsaguin, который изображен голубоглазым гигантом с калмыцким носом, с шафранной шевелюрой и золотистой бородой и который «был как воплощение степей посреди западной цивилизации» («era como la representación de la estepas en medio de la civilización occidental»), поет «песни, которые слышал от моряков на Волге» («canciones que había oído a los *marineros del Volga*»). В другом тексте («*La ciudad de la niebla*») говорится: «Владимир вспомнил русских мужиков, которые, по его словам, спят пьяные на снегу при температуре двадцать градусов ниже нуля» («*Vladimir recordó a los mujicks de Rusia, que, según dijo, dormían borrachos sobre la nieve con una temperatura de veinte grados bajo cero*»).

В трех романах упоминается Сибирь, ассоциирующаяся с холодом и снегом; это ужасное место, символ жестокости правительства. И если в романе «*El mundo es así*» называются ужасные тюрьмы, такие как «*Petro Paulovski*», «*Siberia*», то в «*La ciudad de la niebla*» героине снится, что «она вышла замуж за Владимира, что его уводят в Сибирь, а она следует за ним босиком» («*Soñó que se casaba con Vladimir y que le llevaban a él a la Siberia y que ella le seguía con los pies desnudos*»).

Русские имена и реалии в романах Барохи оставляют забавное впечатление двоякости, это такая нелепая смесь информированности и наивного неведения. Такое сочетание, как мне представляется, как раз и характеризует образ России и русских, который сложился в сознании Пио Барохи и нашел отражение в его творчестве.

Так, Бароха неоднократно заявлял, что читал *всего* Достоевского — вероятно, он имел в виду все переведенное к тому времени на европейские языки, но в романе «*El mundo es así*» с энтузиазмом выписывает несколько русских слов, которые понял его герой: *Gospodin* — это вместо Господь или Господи, *koska, dobri nochi* («*Al gato se le llama koska y dobri nochi quiere decir buenas noches*» — «Кота называют *koska*, а *dobri nochi* означает доброй ночи») и, совсем комично, русское блюдо: «una sopa de legumbres que se llama *tckij kascha*» («овощной суп, называемый *tckij kascha*», т. е. «щи-каша»).

Определенно, у Пио Барохи было два основных источника сведений о России — русская литература и русские революционные эмигранты, с которыми он знакомился во время путешествий во Францию и в Англию. Поэтому в «*El mundo es así*» появляется друг семьи *Garchin*,²¹ либерал из партии кадетов, а в «Городе тумана» — нетипичный для XX века *нигилист*, князь *Nekraxin*. При этом Бароха знает, кто такой поэт Некрасов, его персонажи обсуждают поэму «Русские женщины», но на страницах одного романа автор пишет эту фамилию по-разному: то *Nekrásov*, то *Nekrassov*. Имя Тургенева он тоже по-разному транскрибирует в 1909 и 1912 годах. Понятно, что и в написании фамилии «Достоевский» единства ждать не придется — даже если не брать в расчет французское посредничество, испанские переводчики рубежа веков передавали ее как минимум шестью разными способами,²² и это многообразие отражено и в романах Барохи, и в его статьях.

В романе «*El mundo es así*» одну из героинь зовут *Xenia Sanin*. Там же говорится о литературных вкусах русских студентов в 1911 году: «Студенты уже не читают ни Достоевского, ни Толстого, ни писателей-социалистов;

²¹ В романе «*La ciudad de la niebla*» Бароха наделяет той же фамилией русскую героиню-феминистку: *Julia Garchin*.

²² См.: *Schanzer G. O. Russian Literature in the Hispanic World: A bibliography*. Toronto, 1972. P. 49–76.

в университетах обсуждаются только эротические романы». Что говорит о том, что, вероятно, Бароха был знаком с недавним французским переводом романа М. П. Арцыбашева.²³

С русскими фамилиями Бароха испытывал затруднения не только в романах, но и в жизни. Анекдотический случай произошел с писателем в тридцатые годы, в Париже. Бароху пригласили на прием в честь знаменитого русского литератора — ему показалось, что Чехова. Бароха не придал значения тому, что Антон Павлович умер еще в 1904 году, явился на прием, и был крайне разочарован, что встречают не любимого им писателя Чехова, а Льва Шестова.²⁴ В итоге он ушел, так и не пообщавшись с русским экзистенциалистом, которого его друг и идейный соратник Мигель де Унамуну называл своим другом.²⁵

Отчества для Барохи тоже представляют серьезную проблему. Среди персонажей его романов появляются *Juan Ivanovich*, *Vera Petrovna* и *Ana Petrovna* — причем слова *Ivanovich* и *Petrovna* употребляются в качестве фамилий. Эмблематично для современного образа России в Испании, что фамилия героини «*El mundo es así*» неправильно указана даже в статье баскского исследователя А. Наварра Ордоньо, специально посвященной теме «Бароха и Россия»: «Разве можно не разглядеть в страдающей героине, *Sacha Savarofna*, воплощение ангельской и капризной женщины из романов Достоевского?»²⁶ При этом отец Саши в статье назван так же, как и в романе «*El mundo es así*» — *El general Savarof*. Очевидно, Наварра Ордоньо, не являясь филологом-русистом, где-то слышал, что у русских бывает отчество, но до конца в этом вопросе не разобрался.

Почему Бароха дает русским персонажам фамилии писателей и исторических деятелей? Думается, не потому, что сам не знает других: у человека, читавшего романы Достоевского и Толстого, в русских именах недостатка быть не могло. Скорее можно предположить, что Бароха выбирает слова, которые что-то значили для круга его читателей: если русская, то пусть будет Ломоносов или Санин, если русский, то Гаршин.

Как видно из приведенных выше примеров, чтение русских писателей и общение с русскими в Европе не сделало Пио Бароху знатоком России, не освободило от стереотипного восприятия, присущего всем литераторам «Покорения 98 года».²⁷ Представляется, что важнейшую роль здесь сыграли две объективные причины: Бароха не знал русского языка и не жил в России. Впрочем, последнее утверждение применимо для всех крупных испанских писателей вплоть до наших дней.²⁸

²³ *Artzybascheff M. Sanin: roman. Nice: Librairie russe, 1909.*

²⁴ *Navarra Ordoño A. Pío Baroja y Rusia // Sancho el Sabio (Vitoria-Gasteiz). 2011. № 34. P. 15.*

²⁵ *Unamuno M. de. Epistolario inédito. Madrid, 1991. T. 2. P. 219.*

²⁶ *Navarra Ordoño A. Pío Baroja y Rusia. P. 17.*

²⁷ См. об этом: *Багно В. Е. Языки пограничных культур (Испания и Россия) // Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания). СПб., 2001. С. 5–42.*

²⁸ Из испанских писателей первого ряда в России жили только Хуан Валера (см.: *Валера Х. Письма из России / Пер. С. Николаевой; предисловие В. Багно; комм. К. Корконосенко. СПб., 2001*) и Анхель Ганивет (см.: *Корконосенко К. С. Анхель Ганивет, «посланник испанской культуры» // Дипломаты-писатели; писатели-дипломаты. СПб., 2001. С. 206–216*), но русского языка они тоже не знали.